

о персонаже и обозначающем не признак, а лицо по внешним или внутренним качествам.

Динамика, фантастика, юмор посредством слов-характеристик обретают в романе тот синтез, который называется искусством, волшебством. Булгаковское употребление в несвойственных им функциях позволяет наглядно представить образ того или иного героя и проследить специфику языкового творчества самого автора. Осваивая общепринятое языковое наследие, «каждый талантливый писатель выступает и как новатор, прокладывающий новые пути развития художественной литературы и существенно обогащающий национальную культуру образного слова» (А.И. Ефимов). Анализ словесной канвы художественного произведения в школе дает возможность увидеть слово в динамике его развития и модификации и подтверждает мнение академика В.В. Виноградова о том, что «в индивидуальном стиле великого писателя ...полнее, разнообразнее и ярче проявляется общий стиль и дух литературного языка».

При изучении романа учащимся могут быть предложены задания проблемного характера. Например: «Функционирование слова «сиреневый» в романе «Мастер и Маргарита». Происхождение, значение слова и связь с проблематикой произведения». В ходе подготовки этой работы учащиеся обращаются к разным видам словарей: толковому, словообразовательному, этимологическому. Ученики отмечают, что факт функционирования слова «сиреневый» в значении и функции имени существительного, служащего для обозначения лица, очень интересен: «Сиреневый, провалившись в кадку, на чистом русском языке, без признаков какого-либо акцента, вскричал» [1, с. 283]. Однако «Словарём русского языка» [4] слово «сиреневый» зафиксировано только как имя прилагательное и является многозначным:

1. Прил. к сирень. В сиреном душистом кусте перепрыгивали и стряхивались какие-то птички. Л.Толстой. Два гусара. 2. Бледно-лиловый, цвета сирени. Дядя Терентий оделся в сиреневую рубашку. М. Горький. Трое.

В романе М. Булгакова данная языковая единица реализуется, во-первых, как имя прилагательное, во втором значении: «бледно-лиловый, цвета сирени»: «...он, видите ли, в парадном сиреном костюме, от лососины весь распух...» [1, с. 282]; «Низенький, совершенно квадратный человек... в сиреном пальто и лайковых рыжих перчатках стоял у прилавка...» [1, с. 280]. Группа учащихся, которая работала с морфологической характеристикой слова «сиреневый», пришла к следующим выводам. В приведённых примерах прилагательное «сиреневый» является качественным, обозначает признак предмета по цвету, определяет нарицательное существительное, являющееся обозначением предмета: костюм, пальто, – согласуясь с этими словами в формах рода, числа, падежа. Эти формы – свидетельство узального употребления слова. Во-вторых, в окказиональном употреблении слово сиреневый реализуется как имя прилагательное с качественным значением характеристики лица по одному из его внешних признаков – цвету одежды, например: «Сиреневый иностранец повернулся к грабителям» [1, с. 280]; «В лице сиреневого джентльмена чего-то не хватает, по-моему» [1, с. 280]. В этих предложениях главным словом к слову сиреневый является существительное, обозначающее лицо: джентльмен, покупатель, толстяк, иностранец, с которым это прилагательное также согласуется в формах рода, числа и падежа. Естественно, что в толковых словарях современного русского языка не отражается факт зависимости прилагатель-

ного сиреневый от одушевлённого имени существительного. Эта языковая особенность характерна для стиля автора. Поскольку оказалась сравнительно частотной на страницах романа при характеристике одного лишь персонажа.

В-третьих, М. Булгаков использует слово сиреневый для обозначения лица: «...и тут же обнаружилось, что Бегемот не прав: у сиреневого не не хватало чего-то в лице, а наоборот, скорее было лишнее» [1, с. 281]; «Сиреневый, провалившись в кадку, на чистом русском языке... вскричал» [1, с. 282]. При окказиональном употреблении слово теряет такие признаки имени прилагательного, как категориальное значение признака, групповое значение «качественного признака предмета по цвету», многозначность как своё семантическое свойство, модифицирует свои грамматические признаки, и вполне закономерно приобретает этим словом новых, качественно иных системных признаков: категориального значения предметности, группового значения «названия лица по особенностям его одежды», одного единственного лексического значения: «тот, кто имеет костюм сиреневого цвета». Оно не может иметь синонимов «лиловый», «бледно-лиловый», характерных для имени прилагательного. Следовательно, оно сохраняет лишь самый общий признак, не представляющий ядра значения, а все другие семантические и грамматические признаки или утрачиваются, или модифицируются.

Приведённые выше примеры подтверждают факт индивидуально-авторского словоупотребления в канве художественного произведения. Окказиональность рассматриваемых лексем обусловлена рождением метафорически или метонимически образного значения в индивидуально-авторском контексте, в котором слова насыщаются разнообразными смысловыми значениями. Благодаря этому художественному приему, усиливается образное впечатление от сюжета, обнаруживается категориальный сдвиг, лежащий в основе семантики анализируемых лексем.

В индивидуальном стиле писателя находит своё отражение тенденция языка к саморазвитию, к семантическому обогащению. Язык как динамическая сущность любого художественного полотна состоит из индивидуальных и неповторимых творческих действий.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – Элиста, 1989.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972.
3. Гольцова Н.Г. Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма // РЯШ. – 1993. – № 3. – С. 81–86.
4. Словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1981–1984.
5. Тихонов Н.А. Словообразовательный словарь русского литературного языка. – Т.1–2. – М.: Астрель; АСТ, 2003.

ВАРИАНТЫ ЦЕЛЕВЫХ СТРУКТУР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мельникова Е.В.

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола,
e-mail: Catharine1@yandex.ru

На любом этапе развития язык отражает динамику функционирования составляющих его подсистем, находящихся под влиянием как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов. Каждая из подсистем языка обнаруживает свои отличительные характеристики, сохраняя при этом универсальные, инвариантные черты, присущие языковой системе в целом. Именно это служит основой системной вариативности, так как «инвариант» существует лишь постольку, поскольку существуют его манифестации.

По мнению В.Д. Девкина, «вариативность пронизывает весь язык, его систему и ее реализацию в речи» [4, с.14]. Вариантность как фундаментальное свойство языка, обусловленное его социальной сущностью и коммуникативной функцией, «обеспечивающей творческий характер языка и эффективность общения», составляет имманентное свойство естественного человеческого языка.

Н.С. Валгина отмечает, что вариантность как языковое явление характеризуется необходимой языковой избыточностью, возникающей, в том случае, если варианты не имеют информационной или функциональной нагрузки [1, с. 304]. Наличие языковой избыточности говорит о том, что язык жизнеспособен и динамичен.

На возникновение вариантности влияет сочетание внутренних и внешних факторов развития языка. К внутренним причинам относятся возможности языка – речевая экономия, действия законов аналогии, к внешним факторам можно отнести контакты с другими языками, влияние диалектов, социальную дифференциацию языка.

Явление вариантности долгое время изучалось лишь на фонологическом уровне, и их использование в других сферах недостаточно устоялось. Проблема вариантности в лингвистике затрагивается при изучении структуры языка, функционирования языка и перехода от языка к речи, при изучении внутриязыковых факторов изменения и развития языка, при объяснении чередования под влиянием различных факторов.

В.М. Солнцев в своей работе «Язык как системно-структурное образование» отмечает, что понятие варианта возникло благодаря способности языковой единицы выступать в различных модификациях, другими словами, варьироваться [3, с. 211]. В.Л. Лещенко дает следующее определение вариантности: «Вариантность – это сосуществование параллельных способов выражения, имеющих одинаковое лексическое значение; способность языка передавать одни и те же значения разными формами» [2, с. 52].

Вариантность свойственна всем уровням языковой системы, в том числе и синтаксическому. Синтаксическое варьирование – одна из недостаточно изученных областей английской грамматики, в результате чего, возникают различные трудности. Существует мнение, что теория вариантности в области синтаксиса оказывается очень эффективной, так как появляется возможность рассматривать с единых позиций гораздо более широкий круг разнообразных синтаксических объектов, чем доступно специальным теориям синтаксиса.

Синтаксические варианты предполагают разнообразие синтаксических способов передачи одного и того же содержания. При идентификации синтаксических структур как вариантных наиболее важным критерием представляется тождество грамматического, или в иной терминологии структурного, значения. Наличие общего значения у разных структур позволяет рассматривать их как варианты, реализующие единое структурное значение. Одним из таких значений является значение цели, которое в английском языке имеет различные способы выражения.

Н.С. Валгина отмечает, что вариантность на синтаксическом уровне всегда связана с семантико-грамматическими взаимоотношениями сочетающихся слов [1, с. 304].

Синтаксические варианты отличаются идентичным распределением грамматических связей и общим значением конструкции. Синтаксические

варианты появляются исторически, как и другие варианты. Например, по аналогии или под воздействием других законов происходит смена управляемых форм или вытеснение беспредложных сочетаний предложными, меняются формы согласования и т.п. Часто в смене управления форм проявляются тонкие семантико-грамматические связи.

Категория цели является одной из самых важных на синтаксическом уровне, как в аспекте познания самого понятия «цель», так и в плане речевой реализации этой категории. В философской науке цель понимается как идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности и путей его достижения с помощью определенных средств. Характеризуя категорию цели в лингвистическом плане, можно отметить более низкий уровень ее абстрагированности по сравнению с философским подходом, поскольку в языке цель не свободна от дополнительных оттенков значения, а выражение целевых отношений недостаточно ограничено от других (казуальных, определительных и др.) т.е. имеет место синкретизм значений. Представление о близости различных значений издавна прослеживалось в литературе, однако обычно отношения цели, причины, уступки, следствия рассматриваются отдельно. Наличие в языке средств выражения каждого из этих отношений в какой-то мере оправдывает этот подход.

Обычная смысловая структура целевой конструкции включает две пропозиции – одна из них выражает событие, другая – цель. Целевая конструкция представляет собой синтаксически организованное сочетание компонентов, которые могут быть выражены как простым, так и сложным предложением. План выражения такой конструкции включает в себя два понятия – саму конструкцию, и синтаксическую связь.

На синтаксическом уровне, к способам выражения целевых отношений относятся:

- сложноподчиненное предложение с придаточным цели,
- инфинитив,
- инфинитивная конструкция с предлогом *for*,
- предложная группа,
- герундий.

В зависимости от наличия или отсутствия специализированных средств выражения целевых отношений различают эксплицитные и имплицитные средства.

При эксплицитной связи используются специализированные средства коннекторы – формальные показатели подчинения – союзы и предлоги, основным предлогом традиционно считается *for*. Лексический состав союзов включает множество языковых единиц: *that, in order to, so that, so as, for fear*. Имплицитная связь не маркируется показателем подчинения. Вышеперечисленные способы выражения целевых отношений представляют собой варианты целевой структуры, синтаксическая связь в которых может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
2. Лещенко В.Л. Вариантность и норма в современном русском языке: Практикум. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 52 с.
3. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – С. 211-218.
4. Девкин В.Д. Различное понимание вариантности. Всесоюзная конференция «Проблемы вариативности в германских языках». Тезисы докладов. – М.: Наука, 1988. – С. 14–16.